

Зоя Выхристюк

**ЖАРКИЕ СТРАСТИ
СЕВЕРНЫХ ШИРОТ**



Зоя Выхристюк

Жаркие страсти северных широт

«Издательские решения»

Выхристюк З.

Жаркие страсти северных широт / З. Выхристюк —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830375-3

В охотничьей робе, на старенькой «Ниве» без артефактов своей состоятельности он решил проверить, сможет ли быть интересен. Затеял игру и сам попал в сети. Что может быть желаннее и драматичнее любви второй половины жизни? Призванная помочь в разрешении всех перипетий его новых жизненных обстоятельств Лялька, дама зрелая, тонкий знаток человеческих душ, получила истинное наслаждение от неожиданного спектакля в шукшинском стиле, развернувшегося на фоне колоритной декорации северной деревушки.

ISBN 978-5-44-830375-3

© Выхристюк З.
© Издательские решения

Жаркие страсти северных широт

Зоя Выхристюк

© Зоя Выхристюк, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

После того, как они ввязались в строительство пансионата, в отношениях с Федералом появились новые грани – Лялька словно впала в некую зависимость от него, будто это она упростила выделить средства на благотворительность и теперь отвечала полностью и за проект, и за каждую потраченную на него копейку. Собственно он и не давал пока повода к этому. В очередной раз убедилась: ответственность – это добровольно взваленное на себя бремя.

«Легче, Ляля, полегче, чуть больше пофигизма. Гордыня это – желание все контролировать и, соответственно, за все отвечать», – ее внутренне, более мудрое я, успокаивало несколько суетную, излишне ответственную комсомолку, которая продолжала жить в ней, уже перевалившей за полтинник, казалось бы, солидной и размеренной даме.

Поразмышляв на тему внутренней свободы, она напомнила себе, что это – состояние сознания. Сознание велело: «Не бузи и не отвлекай от дел насущных». Проверила готовность комнаты для Федерала на случай, если останется здесь на сутки. Занялась приготовлением борща (он его уважал в ее исполнении) и других кулинарных заготовок, чтобы можно было быстро поесть, если ситуация того потребует. Нынче без всяких перформансов. Она и оделась подчеркнуто буднично: в свои любимые шаровары, тепленький тоненький свитерок и войлочные прикольные полусапожки – не любила мерзнуть.

Он появился как обычно в полдень: похудел, постройнел, какой-то другой. «Может прав Иннокентий, они меняются, – подумала Лялька, вглядываясь в силуэт почти двухметрового красавца. – Да никогда и не дашь ему его возраст – за пятьдесят».

И хоть формулировала по возможности корректно, пламя честолюбивой гордости бесконтрольно вспыхнуло где-то на границе сознания – есть, должно быть, в переменах клиентов и ее заслуга. Вообще, за эти годы они стали для нее чем-то неизмеримо большим: частью жизнь, родными, братьями – трудно сказать. И сейчас, когда осталась пара шагов до рукопожатия, она жадно впилась в лицо, стараясь понять что же изменилось, а еще, имеет ли отношение к этим переменам экстрим с поркой, через который они оба прошли. Обнялись тепло – никаких намеков на прошлую встречу в реале. У нее отлегло от сердца. Хоть и не признавалась себе, но переживала, каким будет первый взгляд, интонация голоса. По телефону и в переписке – это одно, важно, когда глаза в глаза.

«Как после первой романтической ночи вместе», – пронеслось у нее в голове. Было видно, что он рад встрече.

Обсудили проект пансионата. И то, как он это делал, заинтересованно, но конспективно, навело Ляльку на мысль, что причина его приезда раньше срока не в этом. За обедом прошли по дежурным вопросам: как Первопрестольная, родные близкие, давно ли видел отца Амвросия, как у него дела. Она слушала, включив все свои компьютерные программы на прием и анализ, старалась приглушить вопрос, который невольно сквозил в каждом ее взгляде, стоило только взмахнуть ресницами и встретиться глазами. И, конечно, ни слова об этом вслух – сам должен созреть. То, что его что-то рвет изнутри, было очевидно. По вопрошающе-неуверенному взгляду, диссонирующему с его властной харизмой. Неожиданно прорывающемуся, скорее всего, в ответ на его мысли и чувства, пока совершенно неведомые Ляльке. Он явно колебался: говорить – не говорить...

– А давай кофе на веранде? Там на солнце точно тепло. Пледы же есть, – он, словно, упредил уже готовый слететь с лялькиных уст вопрос. – Только я переоденусь.

– Хотите что-нибудь из нашей коллекции?

– Нет, нет. Я по-спортивному, в свое.

Он удалился в гостевую, а Лялька быстренько сервировала стол. Ее любимому сенбернару Сиднею идея присоединиться к нему явно понравилась. А на веранде и впрямь было очень комфортно. Надо же, на земле не стоял снег, воздух с небольшим минусом, а здесь дерево прогрелось от солнца так, что даже захотелось распахнуть окно. Аромат кофе заполнил веранду. Он отхлебнул глоток, поставил чашку и опять в нерешительности отвел глаза.

– Да что происходит? Говорите, наконец! Себе и мне уже всю душу извели, – не выдержала Лялька.

– Я влюбился. Ей тридцать. Она беременна, – выдал он почти пулеметной очередью, глядя ей прямо в глаза, а потом опять схватился за спасительную чашку кофе и утопил в нем свой взгляд.

Лялька уже битых полтора часа ждала чего угодно, вот только любовь в расчет не брала. А напрасно. Перед ней сидел счастливо-несчастливый растерянный человек с гигантским внутренним вопросом, словно речь шла о казни или помиловании и, как ни парадоксально, он ждал ее приговора.

– Боже, какое счастье! Как я рада, – почти тотчас воскликнула она.

Импульсивно, в одну секунду, как выдал ее бортовой компьютер, причем в полном согласии с сердцем. Про его жену-«самодуру» было известно. Но она не знала ничего из истории их отношений. Эта тема была закрытой. И вообще, что она знала о мужской стороне жизни своих клиентов? Только иногда долетавшие слухи об их амурных связях и мимолетных подвигах? Откровениями о своей первой любви и первом столкновении с женщиной, как объектом вожделения, поделились не все. Помнится, Танцор поведал историю из своей пионерской юности, когда они с друзьями влюбились в пионервожатую, а потом, «спасая» ее от «кровожадного» начальника пионерского лагеря, стали свидетелями их страстной физической близости. К счастью, рассмотреть детали не смогли, ничего не поняли, но некий опыт от ревности до неосмысленного желания (на поле парадоксальной полярности) обрели. Мент искренне любил свою жену, почти боготворил. И это почти после тридцати лет в браке. Развратник, Царствие ему Небесное, тоже по-своему жену любил, что, однако, не помешало ему и на старости лет реализовать свои ненасытные желания весьма своеобразным образом – как зритель в онлайн режиме. Все ее клиенты были женаты, состоятельны, властны, харизматичны, мобильны, а, значит, обладали повышенной сексуальной притягательностью и наличием всех ресурсов, чтобы в наше раскрепощенное время реализовать себя в альковных страстях, будь на то их воля. И супружеский статус тут вовсе не помеха.

После истории с Развратником, когда, купив время жизни Ляльки, он вынудил ее прослушать разные вещи из его богатого жизненного прошлого, которое она знать просто не желала, она предусмотрительно старалась в тему женщин в жизни своих клиентов не влезать.

О Федерале предполагала, что он не сильно счастлив, а, скорее, несчастлив в семейной жизни с «самодурой». Но уже больше четверти века они в браке. Она не слышала об устойчивых внебрачных линиях его жизни. Знала только (он регулярно появлялся в Славногорске), что Святым не был, услугами представительниц древнейшей профессии пользовался. Как-то на недельку приезжал с парой своих московских друзей, так за ними по всему маршруту следовал микроавтобус с эскорт-сопровождением – девицы с ногами от ушей, ну и всем остальным. Поговаривали, что «самодура» в курсе его таких выездных гастролей. Секс на стороне был ему дозволен по умолчанию. Но только секс, речь не шла о любви. Не надо путать.

Такие отношения, когда брак остается формой связи с незыблемыми ценностями в виде детей, внуков, собственности, общего прошлого и обязательствами на будущее при определенной физической свободе на стороне неожиданностью для Ляльки не был. Они с подружками неоднократно обсуждали все стадии взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Да

и сами не маленькие, знали, что не все, что начинается страстно, выходит в развитии на уровень настоящей любви. А учитывая долгосрочность отношений в браке, нужно совпадение амплитуд личностного развития. Что случается довольно редко. Ведь дразняще сексуальная, непредсказуемо дерзкая, а потому загадочно манящая в своей молодости стервозность избранницы, так привлекательная вначале, с годами порой трансформируется в деспотизм категоричности. Брак без тепла превращается в тюремную камеру с бдительным смотрителем. И роль узника не определяется гендерным признаком. Похоже, у Федерала был вариант семьи, где не он смотритель. Его выпускали, или он сам вырывался в отхожие поля с одним негласным условием: не должно возникнуть серьезных отношений. Ну а что может быть серьезнее любви?

Лялька поражалась себе. Она не была знакома с женой Федерала, и ее часть правды была ей неведома. Но то, что он по-мужицки заслуживал счастья, почему-то сомнению не подвергала. Куда девалась женская солидарность? В отношении своих клиентов она была психологически сестрой, матерью, которую волновало одно: счастлив или нет ее подопечный. Даже без рассмотрения обстоятельств возможной, и даже вероятной его вины, если счастья нет. У Федерала его явно не было. И его прорвало. Все то, что было под грифом «секретно» в его общении с миром, что он не мог и не хотел поведать даже своим друзьям, что отравляло его жизнь, подрывало веру в себя – все, или почти все вывалилось на лялькину голову. Она испугалась. Во второй раз за период их отношений. Первый – был связан с «поркой», когда он пожелал настоящего экстрима, не предполагая, что его ждет настоящая порка розгами. Потом она не шуточно опасалась киллера. Опасения, к счастью, не оправдались.

Сейчас было круче. Это было обнажение по самому интимному в жизни человека – семье, любви, принятию себя через отношения, в которые любой вступает с открытым забралом. Слушая, она соотносила с собой какие-то эпизоды, иногда казалось, ей открылась обратная сторона Луны. Разве она сама в жизни никогда не играла чувствами? Не забавлялась приручением? Не превращала секс в разменную монету в близких отношениях? И разве не старалась сделать больше, если вдруг ее обидели? А как она могла манипулировать чувством вины! О, она во всем стремилась к совершенству. И это при том, что ее мужчины не были ее мужьями. А как безмерно власть права на истину, если ты жена и мать! Лялька только потом-потом, много лет спустя после своих романов поняла, что мужчина – это тоже человек и, более того, может быть, гораздо ранимее и тоньше. А порой даже уступает в жизнестойкости. И, как ни странно, больше, чем женщина нуждается в заботливо-надежной поддержке. Чтобы по полной раскрыть свой потенциал. Потому что, если с ним по жизни идет умная и любящая женщина, он реализуется благодаря, как победитель. Если же этого нет, то все делается вопреки, с тройным усилием и с меньшей радостью. Успех превращается в форму самоутверждения с привкусом мести. Она слушала, и ее воображение рисовало картины, может и не достоверные, ну уж очень реалистичные. Приходилось, порой, и ей видеть, как властные и статусные мужчины превращались в домашних пуделей рядом со своими женами.

Как редки семейные пары, когда жена под руку добавляет социального капитала своему супругу, и с ней он выглядит и значительнее, и масштабнее, и счастливее. Случается, что в деле, в обществе, в бизнесе он – фигура, а дома – вечно оправдывающийся провинившийся «сынок». Хотя материальные блага, статус, положение в обществе семьи и жены – это его исключительная заслуга. Он и понять не в силах, как она, которую он когда-то боготворил и носил на руках, оказалась на шее с эксклюзивным правом, как это принято нынче говорить, «выносить» мозг. Все это Лялька еще раз осмыслила, слушая откровения Федерала. К чести сказать, он говорил о своей жене, несмотря ни на что, уважительно. И Лялька не могла понять, этот почтительный тон – результат его благородства и великодушия или отстраненного равнодушия, когда уже все отболело, и остался сухой остаток. Мы же в отношениях с посторонними, какими бы они не были, стараемся быть объективны и политкорректны. В этом мало или совсем нет чувств. Просто констатация.

Продолжая формально, статусно, быть семейным человеком, он себя внутренне давно уже отлепил от своей жены, да и было ли такое единение изначально? Кстати, он сказал, что разовый секс на стороне был неоговоренным правом, практически санкционированным супругой. Но без серьезных отношений. Всей правды, полуправды, даже и малой доли правды хватало, чтобы понять: семьи давно уже нет.

Умом Лялька понимала, что это – исключительно его взгляд на семейную историю. А почему-то априори была на его стороне. Но, как оказалось, все это было только преамбулой, рвало изнутри его другое – новое, накотившее на него чувство. Он-то и преамбулу поведал, чтобы она смогла понять его в главном, точнее в том, что стало главным для него сейчас. И Лялька услышала историю, достойную телесериала о любви олигарха и простой девушки – ремикс «Золушки».

Полгода назад приехал он в свое поместье на Русском Севере, ну то, которое недалеко от монастыря, где отец Амвросий наместником. Все, как обычно. По деревне со скоростью звука весть: «Приехал!» Блины, грибочки, сметанка, парное молочко, дары и подношения, мелкие просьбы и желание угодить, потому как благодетель – дорогу сделал, работу дал, в разных просьбах не отказывает. Да он для них, живущих натуральным хозяйством, затерянных в лесах от благ цивилизации, не просто барин – отец родной, почти государство в функции социальности. Давно звали его мужики на охоту. Он вообще-то рыбак заядлый. Ну и поохотиться соблазнили. Выдвинулись они тремя машинами: его джип и пара «Нив» из местных. В первый день подстрелили пару зайцев, набрали грибов и заночевали на заимке. Решили поутру двинуться дальше. А утром произошло почти невероятное: джип не завелся, видно не выдержал российского бездорожья. И это в придачу к тому, что и зайцев подстрелили местные – сам-то промазал. Все как-то не в масть. А не хотел ведь ехать изначально – уговорили. В очередной раз понял: слушать нужно только себя. И на этот раз послушал: запрыгнул в фермерскую потрепанную «Ниву», оставил местных поохотиться и разбираться с его джипом и поехал назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.